

УДК: 904

DOI: 10.25629/НС.2022.12.07

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ МОНАШЕСКОЙ ТРАДИЦИИ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Носов А.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье рассматривается историография Сергиевской монашеской традиции в XIV – XV вв. Представлены результаты изучения ключевых концепций историков по данной теме. Автор делает заключение о преобладании в историографии представлений об идее преемственности между прп. Сергием и его последователями, а также – об их приверженности к общежителю в сочетании со стремлением к отшельничеству. В некоторых трудах историков отмечается наличие иных монашеских традиций. Такая точка зрения подтверждается источниками. Приводятся замечания, связанные с особенностями перспективы изучения иноческих традиций.

Ключевые слова: Сергия Радонежский, «монастырское возрождение», Сергиевская традиция, общежителю, монашество, агиография.

С середины XIV в. на Руси начался процесс «монастырского возрождения», связанный с восстановлением киновийного уклада в обителях и, как следствие, с активизацией в обществе интереса к высокой иноческой жизни [24, с. 23; 22, с. 49; 3, с. 69, 72].

Мощная подвижническая волна захлестнула центральные и особенно северные, северо-восточные области Руси. Иноки удалялись в пустынные уголки для совершения аскетических подвигов и молитвы за мир, где со временем нередко возникали монастыри. По меткому выражению В.О. Ключевского: «Так на месте одинокой хижины отшельника вырастал многолюдный, богатый и шумный монастырь». По подсчетам историка в XIV – XV вв. выходцы из Сергиева монастыря и его многочисленных колоний образовали 27 пустынных и 8 городских монастырей [11, с. 265]. Всего же на вторую половину XIV в. – пик иноческого движения [19, с. 220-221] – приходится возникновение свыше 160 новых обителей [7, с. 35]. По другим подсчетам к первой трети XV в. появилось около 211 монастырей [15, с. 49].

Русское монашество – неотъемлемая часть духовного развития восточно-христианской церкви. Генетически оно восходит к различным иноческим традициям. Например, египетская и сирийская традиция тяготели к анахоретству (пустынножительству) и суровому аскетизму, а для палестинской традиции характерен киновийный (общежительный) уклад и умеренность подвига [23, с. 55-56; 22, с. 22; 16, с. 16]. В рамках этих течений одни обители были изолированы, а другие – активно участвовали в христианизации и духовном служении [8, с. 39–43; 25, с. 152-153]. Однако уже на этапе становления русские иноки не только заимствовали элементы иных традиций, но и дополняли образ своего монашества местными чертами.

Исследователи отмечают особое отношение русского монашества к апостольской миссии совершенствования не только себя, но и всего мира через отречение, а также, зависимость монастырского уклада от харизматичной личности настоятеля, которому подражали иноки [4, с. 724–740; 23, с. 64-65, 146-147; 22, с. 48; 6, с. 274-275]. Обладая специфическими общими чертами, русское монашество неоднородно. Известно, по крайней мере, несколько крупных русских иноческих традиций эпохи Средневековья: Киево-Печерская, Сергиевская, иосифлянская и скитская традиция Нила Сорского; различные черты впитало в себя и словецкое монашество [23, с. 142-143, 155, 186; 22, с. 27, 44, 56, 60; 3, с. 38–128; 20, с. 200, 203].

Что подразумевается под духовным влиянием Сергия Радонежского и под Сергиевской монашеской традицией? На каком уровне находится ее изучение и проявления других иноческих традиций XIV – XV вв.? Проанализируем концепции историков XIX – начала XXI вв., чтобы получить ясное представление об историографических тенденциях в изучении данных вопросов. В данной статье рассматриваются ключевые концепции развития историографии Сергиевской традиции, поэтому далее приводятся не все работы, касающиеся монашества Сергиева круга.

Паломник-писатель и историк А.Н. Муравьев отмечал высокий уровень духовности русского монашества с конца XIV в. В книге о северорусских обителях он впервые сравнил вологодские монастыри с Египетской Фиваидой – пустыней, в которой подвизались первые монахи-отшельники. А.Н. Муравьев ввел понятие «Северной Фиваидой», поскольку русские подвижники ничуть не уступали египетским аскетам [17, с. 526]. В книге нет четкого определения русских иноческих традиций, но лаконично обозначена идея преемственности между Сергием Радонежским и его последователями. А.Н. Муравьев писал, что Стефан Махрицкий, Димитрий Прилуцкий, Сергей Нуромский и Кирилл Белозерский заимствовали у прп. Сергия «иноческое свое образование» [17, с. 27].

Идею преемственности удалось развить историку, диакону Матфею Кудрявцеву. В своем труде, опубликованном впервые в 1881 г. он проследил развитие «сергиевского монашества» от Троицкой обители до монастырей его последователей. М. Кудрявцев считал, что новые поколения подвижников воспитывалось под руководством Сергия Радонежского. Они внесли в монастыри пробужденный наставником «новый дух иночества» [12, с. 7]. При описании основания новых монастырей он подчеркивал, что это происходило при личном участии прп. Сергия или по его благословию, либо его ученик или собеседник делал это по образцу создания Троицкого монастыря или согласно наставлениям духовника [12, с. 183, 207]. М. Кудрявцеву удалось вывести идею преемственности в конкретно историческую плоскость: он кратко осветил исторические судьбы основателей новых монастырей в духе Сергиевской традиции. Однако он не касался истории других обителей.

Митрополит Макарий (Булгаков) в многотомном труде по истории церкви, изданном в 1883 г., отошел от идеи преемственности, поскольку он не рассматривал предметность духовной связи между основателями монастырей. Тем самым он последовал намеченному подходу в изучении преемственности. Митрополит Макарий отмечал историческую заслугу Сергия Радонежского не только в основании Троицкой обители, но еще и в основании других монастырей – непосредственно его трудами или же по его благословию [14, с. 115]. Однако рассматривая обители учеников и собеседников прп. Сергия, он не прослеживает их связь с «игуменом земли русской» [14, с. 123]. Монастыри, возникшие вне сергиевского влияния, также не относятся к какой-либо иноческой традиции [14, с. 125–127].

Осмыслению жизненного пути и наследия прп. Сергия Радонежского были посвящены многочисленные речи, созданные по случаю 500-летия его кончины. Особой пронизательностью среди них отличается выступление В.О. Ключевского. Его главной задачей было раскрыть значение личности Сергия Радонежского в русской истории. Он обратил внимание на то, что прп. Сергей параллельно со свт. Алексием и Стефаном Пермским занимался делом, выходящим за рамки церковной жизни, – укреплением Русского государства [10, с. 66–69]. Заключение историка породило целое направление исследований, посвященных политической и социальной роли прп. Сергия. Говоря о монашеской деятельности Сергия Радонежского, В.О. Ключевский отмечает, что он был руководителем других пустынножителей, наставляя их личным примером. А новые обители прп. Сергия и его учеников олицетворяли оживление монастырской жизни во второй половине XIV в. и вдохновляли его развитие [10, с. 73]. В своей речи, как и в лекционном курсе, В.О. Ключевский рассматривает появление новых монастырей через колониальную систему, где Троице-Сергиева лавра – это метрополия, а основанные монастыри ее выходцами – колонии [11, с. 270]. Такой подход удобен при изучении монастырской колонизации в сочетании с хозяйственной, однако он не учитывает известия источников, свидетельствующих о распространении той или иной монашеской традиции.

Скрупулезный анализ исторических источников и критический взгляд на биографию Сергия Радонежского продемонстрировал историк Церкви Е.Е. Голубинский. Он выявил четкий исторический критерий сергиевского монастырского уклада как «истинного» (тип пустынного общежительного монастыря), который прп. Сергий утвердил в Московской Руси на долгое время; впервые дал ему терминологическое обоснование («монашество Сергиива вида» или «Сергиевского») и в подтверждение привел известные данные обо всех основанных монастырях последователями прп. Сергия [5, с. 74-75, 87-88].

В советской историографии изучаемая проблематика практически не рассматривалась. В то же время она вызывала живой интерес у представителей русской эмиграции. Историки и мыслители русского зарубежья сохраняли традиционные подходы русской исторической школы в изучении древнерусского монашества. Г.П. Федотов в труде «Святые Древней Руси» заметил, что большинство святых XIV и начала XV вв. испытали влияние Сергия Радонежского. Они несли «заветы преподобного Сергия в разные концы русской земли», основывали новые обители, из которых впоследствии выходили новые подвижники, сохраняя преемственность с прп. Сергием до конца XV в. [23, с. 155].

Г.П. Федотов первым в историографии обращает внимание на наличие разных очагов русского монашества XIV – XV вв. Аскетическое движение пробуждалось одновременно в разных местах, а прп. Сергий как бы возглавлял его. Г.П. Федотов приводит пример «самостоятельных» подвижников: Дионисия Грека и Пахомия Нерехтского; упоминает об уходе в пустынь Сергия Валаамского и Кирилла Челмогорского. При этом историк распространяет сергиевское влияние на Дионисия Суздальского, Стефана Махрицкого и Димитрия Прилуцкого, однако не поясняет, в чем оно заключалось [23, с. 142-143].

Г.П. Федотов выделил южное (московское) направление иноческого движения и северное, которое порождало лесные пустыни по Волге и Заволжью [23, с. 155]. Федотов приводит в пример некоторых учеников и собеседников прп. Сергия. Отмечается наличие двух крупных духовных центров, восходящих к влиянию Сергия Радонежского – обители Кирилла и Ферапонта Белозерских и монастыри Комельского леса на юге Вологодчины (Сильвестр Обнорский, Сергий Нуромский, Павел Обнорский) [23, с. 156, 160]. Все они были учениками прп. Сергия, либо испытали его духовное влияние. Третий центр – Спасо-Каменный монастырь (Дионисий Грек) – описывается обособленно, поскольку он не был связан с Сергиевской традицией. Исследователь приводит данные о распространении из этого центра других монастырских колоний, в частности обители Дионисия Глушицкого и его учеников. Также Г.П. Федотов сообщает, что кирилловский игумен Кассиан, ученик Кирилла Белозерского, в середине XV в. стал игуменом Спасо-Каменного монастыря, соединив традицию прп. Кирилла с традицией Афонской горы. В Соловецком монастыре автор отмечает духовную связь с Кирилловым монастырем через прп. Савватия и новгородской традицией через прп. Зосиму [23, с. 160-161]. Однако никаких конкретных сведений обо всех этих традициях и выводов об их изменении не сообщается. Отдельно выделяются новгородские пустынножители (Савва Вишерский и Евфросин Псковский [23, с. 162]). Таким образом, Г.П. Федотов сумел разделить некоторые духовные течения пустынножителей Русского Севера, но принцип этого деления в полной мере им не был раскрыт. Тем более, в заключении сообщается, что все эти группы святых хранили заветы прп. Сергия и Кирилла [23, с. 162]. Несмотря на существенный прогресс в рассмотрении иноческих традиций, Г.П. Федотов во многом формулировал выводы интуитивно, опираясь на географический принцип и умозрительные предположения.

Заметный вклад в изучение Сергиевской традиции и других древнерусских монашеских течений внес всеобъемлющий труд И.К. Смолича по истории русского монашества, вышедший во французском Вьене в 1936 г. В центре внимания историка – феномен аскетизма, захлестнувший русских подвижников в XIV–XV вв. Он рассматривает Сергия Радонежского как основателя русской аскетической школы, которая способствовала расцвету русского подвижничества [22, с. 56]. В работе удалось доказать важность образа личности прп. Сергия, оказавшего колоссальное влияние на своих последователей. Так, не сама система аскетической традиции, а духовный пример ее носителя играл главную роль в развитии русского монашества.

Именно личный пример Сергия Радонежского дал толчок монашескому подъему, благодаря которому его ученики устраивали новые монастыри «в духе аскетических традиций своего учителя» [22, с. 44, 48].

Также И.К. Смолич вслед за Г.П. Федотовым обратился к монастырям, не связанным напрямую с влиянием Сергия Радонежского. Говоря о возрождении общежитийного уклада как о следствии подвигов прп. Сергия, историк замечает, что оно также было связано с деятельностью «отдельных выдающихся подвижников» [22, с. 49]. В работе выделяется несколько групп подвижников. Среди аскетов XIV – середины XV вв., кроме учеников и собеседников прп. Сергия, отмечается группа иноков из Спасо-Каменного монастыря (Дионисий Грек, Дионисий Глушицкий, Александр Куштский). Впервые речь заходит о чертах монашеской традиции этого монастыря: указано введение Афонского устава и совершения миссионерского подвига на Кубенском озере (о последнем источники не свидетельствуют). Для Дионисия Глушицкого было характерно смирение, кротость и милосердие – в этих добродетелях «он соревнуется со св. Сергием», – а также строительство киновий и приходских церквей. К этой же группе относится Григорий Пельшемский – ученик Дионисия Глушицкого [22, с. 56 – 58]. И.К. Смолич выделяет и нижегородскую группу подвижников – Дионисий Суздальский, который был собеседником прп. Сергия, и его ученик Евфимий Суздальский. Также обозначена стоящая особняком группа псковских и новгородских иноков, среди которых упомянут лишь Евфросин Псковский. Отдельно сообщается о Валаамском монастыре [22, с. 59]. Стоит полагать, что И.К. Смолич, находясь в эмиграции, не владел достаточной информацией о последних группах основателей монастырей, поэтому ограничился только их упоминанием. Однако сам факт разделения подвижников по географическому признаку – весомое достижение для заявленной темы.

На закате эпохи господства марксистской методологии в исторической науке в свет вышли работы по русской истории XIV – XV вв., которые возвращались к традиционным истокам русской исторической школы. В их числе – труды Н.С. Борисова по изучению русской церкви в политической борьбе и личности Сергия Радонежа в истории. Значимость этих исследований в глубоком проникновении в сущность мировоззрения деятелей той эпохи посредством раскрытия символизма в их поступках. По мнению Н.С. Борисова, основой мировоззрения Сергия Радонежского, отразившегося в его иноческой традиции, было Евангелие, нравственные заповеди которого он рассматривал как руководство к действию, лояльное отрицание церковной иерархии, воплощение любви и единомыслия в общежительстве и почитании Св. Троицы, а также ориентация на Киево-Печерскую монашескую традицию через образ Феодосия Печерского и на учение о монашестве Василия Великого [3, с. 23, 44, 148, 57, 79, 98, 100].

Историк видит в монашеском подъеме результат общежительной «монастырской реформы», ее организатором и вдохновителем был митрополит Алексей. Реформа предполагала, что монастыри станут опорными пунктами московского церковного и политического влияния в масштабах всей страны [2, с. 87- 88]. Прп. Сергий первым принял общежительство в Троицком монастыре, который стал главным рассадником новых идей в области монашеской жизни, и воспитал подвижников, отправлявшихся на основание новых монастырей [2, с. 91; 3, с. 120]. Бурный рост новых обителей приходится на 1360-е гг. Н.С. Борисов подчеркивает, что при такой политике митрополита прп. Сергий не был исполнителем некой «программы» [3, с. 119]. К концу 1370-х гг. завершился первый этап «монастырской реформы». Тогда монашеские общины, спаянные строгой дисциплиной и духом подвижничества, выработали новые традиции обихода и формы ведения хозяйства [2, с. 94]. Также отмечается наличие других видных деятелей «монастырского возрождения», которые продолжали общежитийное строительство, но не были подвержены влиянию прп. Сергия. Это Стефан Махрицкий, Димитрий Прилуцкий, Дионисий и Евфимий Суздальские [2, с. 91].

В.А. Кучкин видел в распространении общежительных монастырей самый крупный итог деятельности Сергия Радонежского. Исследователь отметил обители, строительство которых связывается лично с прп. Сергием, и монастыри его учеников. В.А. Кучкин рассматривал с точки зрения церковно-политической истории. Поэтому он подчеркивал, что монастыри по-

следователей прп. Сергия возникали на землях, недавно вошедших в состав Москвы. В.А. Кучкин приходит к выводу о наличии стремления «закрепить за Москвой окраинные земли с помощью организуемых там монастырей», а в таком контексте Троицкий монастырь становился центром, «где воспитывались будущие руководители монастырского общежития» [13, с. 88–89]. Исследователь не задавался вопросом складывания и распространения Сергиевской традиции, а также не обращался к обителям, возникавшим в то же время вне влияния прп. Сергия.

Б.М. Клосс традиционно сообщает об особо роли Сергия Радонежского в деле восстановления общежитийного устава в русских монастырях. Исследователь не пишет подробно о Сергиевской традиции, но понимает под преемством между прп. Сергием и его учениками распространение общежительства преимущественно в новых обителях [9, с. 56–65].

В.И. Петрушко в статье, посвященной влиянию Сергия Радонежского на русское монашество, предпринял попытку развить концепции В.О. Ключевского и И.К. Смолича. Он подчеркнул определяющее значение совместного влияния прп. Сергия и свт. Алексия на распространение русских общежитийных монастырей. Сложнее всего киновии внедрялись в Новгородской епархии, где вплоть до начала XVI в. особножительные монастыри составляли большинство [18, с. 19–20, 23–24]. В.И. Петрушко указал на другие черты «подвижничества Сергиева круга»: основание обителей в труднодоступных местах и сочетание анахоретства и киновии в иноческом опыте: «[...] преп. Сергий в равной степени дал импульс как созданию общежительных монастырей, так и молитвенно-созерцательной, преимущественно отшельнической традиции» [18, с. 24 – 25]. Рассматривая жизнь последователей Сергия Радонежского, он справедливо отметил, что все они какое-то время вели отшельнический образ жизни, а затем строили обители. Монастыри меньшей части его учеников сочетали общежитийные черты с ктиторскими.

На основе такого понимания Сергиевской традиции, В.И. Петрушко распространяет духовное влияние Сергия Радонежского на широкий круг подвижников того времени. Среди них Дионисий Суздальский и его ученики – Евфимий Суздальский и Макарий Унженский. По мнению исследователя, «общежительная традиция Троице-Сергиева монастыря» благодаря Зосиме и Савватию Соловецким была донесена до берегов Белого моря [18, с. 26–30] (хотя прп. Савватий не приступал к созданию обители и не был знаком с прп. Зосимой). В.И. Петрушко приводит группы обителей, обособленных от монашеской традиции прп. Сергия: Михаило-Архангельский, Николо-Корельский и Никольский Чухченемский монастыри в бассейне Северной Двины, а также Спасо-Каменный монастырь и его колонии. При этом историк считает, что Дионисий Глушицкий воспринял основу Сергиевской традиции через дружбу с Кириллом Белозерским [18, с. 30–31].

Ограниченная источниковая база и наличие авторитетных подходов в науке привели к значительной близости многих исследований о русском монашестве в XIV–XV вв. Для трудов историков XIX – начала XX в. характерна зависимость от структуры житий святых. Из-за этого приводимый фактический материал нередко страдает, происходит путаница с датировками событий, наличие повышенной доверчивости источнику. Исключения составляют отдельные работы, например, В.О. Ключевского и Е.Е. Голубинского, которые активно критиковали жития и пользовались дополнительными источниками. Последующие работы во многом исходили из отдельных взглядов и методов этих ученых, поэтому в них прослеживается преемственность, происходит развитие критики и оценки источников. В центре внимания исследователей было теоретические осмысления деятельности Сергия Радонежского и его последователей.

В историографии преобладает идея преемственности между Сергием Радонежским и его учениками, а также мнение о влиянии прп. Сергия на все «монастырское возрождение». В основе его монашеской традиции лежат общежитийный уклад обители и тяготение иноков к пустынножительным практикам. При этом отдельные исследователи аккуратно пытались выделить обители, появившиеся на подъеме общей подвижнической волны той эпохи, но вне прямой зависимости от личности прп. Сергия.

В XIV – первой половине XV вв. подавляющая часть новых обителей появилась благодаря ученикам Сергия Радонежского, которых поначалу активно поддерживал митрополит Алексий [3, с. 122 – 128; 21, с. 310 – 315; 16, с. 57]. В древнерусских источниках нет четко сформулированного понятия Сергиевской или какой-либо другой монашеской традиции. Тем не менее, жития включают ряд признаков, которые, как кажется, следует учитывать при определении монашеских традиций. В отдельных памятниках содержатся упоминания об ученичестве и собеседничестве, а также о тесных контактах между подвижниками. Они связаны с учениками святого (Авраамий Галицкий, Павел Обнорский, Сергей Нуромский, Афанасий Высоцкий, Феодор Симоновский, Кирилл Белозерский и др.) и с его собеседниками (Стефан Махрицкий, Димитрий Прилуцкий).

При анализе иноческих практик и выявлении духовных связей между основателями монастырей нельзя игнорировать сложность и тенденциозность памятников агиографии. Изучение данной проблематики требует внимательного и чуткого отношения к источникам, скрупулезного анализа исторических фактов и агиографической топики. Результаты исследования позволят сформулировать представление о взглядах агиографов на преемственность между прп. Сергием и его последователями.

Сложнее определить монашеские традиции других киновий XIV-XV вв., которым не уделялось большого внимания в историографии. В исследовательской литературе потоки монашеских течений по неосторожности то разделялись по географическому признаку, то объединялись под духовным крылом Сергия Радонежского. Среди них новые монастыри XIV-XV вв., возникшие в пределах Суздальско-Нижегородского княжества, новгородской архиепископии и обители, основанные воспитанниками Спасо-Каменного монастыря [2, с. 91; 21, с. 312–315].

Разделение монашеских традиций исключительно по географическому принципу на сегодняшний день нельзя признать удовлетворительным. Наибольшей изоляции достигала Новгородская архиепископия, однако и она в известной степени условна. Новгородское монашество не отличалось однородностью. С последней четверти XIV в. пределах архиепископии завязались тесные контакты с Афоном, прежде всего, благодаря инокам и игуменам Лисицкого и Коневского монастырей [1, с. 20 – 21]. Первым иноком на Соловецких островах стал прп. Савватий – духовный «внук» Сергия Радонежского, вышедший из «московского» Кирилло-Белозерского монастыря и подвизавшегося на «новгородском» Валааме. Поэтому при изучении иных монашеских традиций помимо локализации следует учитывать принадлежность к епископской кафедре, детали взаимодействия с иноками из других обителей, а также особенности монастырского устройства и монашеских практик.

***

Известно множество обстоятельных исследований, посвященных жизни Сергия Радонежского, согласно которым святой оказал ключевое влияние на подъем русского монашества. В них прп. Сергей рассматривается как аскет, созерцатель, восстановитель монастырского общежития, духовный воспитатель учеников, политик и миротворец. При этом исследователи редко заостряли внимание на особой монашеской традиции, которая распространялась за пределы Троицкой обители и развивалась в новых монастырях. Историки соглашались с существованием Сергиевской монашеской традиции. В то же время ее основные черты редко получали четкое определение. Отсюда проистекают умозрительные суждения о сущности Сергиевской традиции и принадлежности к ней. Гораздо реже исследователи обращались к рассмотрению других представителей «монашеского возрождения»; самостоятельные работы по данной теме отсутствуют.

На основе проделанной работы можно сформулировать следующий вывод. Сергиевская традиция выражалась в преемственности между ним и его учениками в вопросах монастырского устройства. Несмотря на то, что последователи преподобного распространяли киновии по русским землям, они также стремились приобрести опыт отшельнической жизни, подражая

своему наставнику. В то же время параллельно традиции прп. Сергия появлялись и развивались другие иноческие течения. Они мало интересовали исследователей и потому практически не изучены.

Выявленные многочисленные лакуны в исследовании проблемы монашеских традиций XIV – XV вв. открывают широкие перспективы изучения русского средневекового монашества: выявление конкретно исторических элементов монашеских традиций, изучение восприятия иноческих традиций агиографами и дальнейшего переосмысления духовной преемственности между преподобными в контексте церковного почитания.

Библиография

1. Бобров А.Г. Монастыри новгородские (до XVI века) // София. № 1. Великий Новгород, 2011.
2. Борисов Н.С. Русская Церковь в политической борьбе XIV – XV веков. М., 1986.
3. Борисов Н.С. Сергей Радонежский. М., 2014 (первое издание: И свеча бы не угасла... Исторический портрет Сергия Радонежского. М., 1990).
4. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 2. М., 1904.
5. Голубинский Е.Е. Преподобный Сергия Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909.
6. Грихин В.А. Лекции по древнерусской литературе. М., 2017.
7. Ивина Л.И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV – первой половины XVI в. Л., 1979.
8. Карсавин Л.П. Монашество в средние века. М., 1990.
9. Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского: Рукописная традиция. Жизнь и чудеса. Тексты. М., 1998.
10. Ключевский В.О. Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства // Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990 (первое издание – М., 1892).
11. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1937 (первое издание – СПб., 1904).
12. Кудрявцев М. История православного монашества со времен Сергия Радонежского. М., 1999 (первое издание – М., 1881).
13. Кучкин В.А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10.
14. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 3. Т. 4. М., 1995 (первое издание – СПб., 1883).
15. Маслов Е.А. Монастырское строительство и объединение русских земель XIV – XV в. // Монастыри в жизни России. Калуга; Боровск, 1997.
16. Монашество и монастыри в России. XI – XX века: Исторические очерки / Отв. ред. Н.В. Сеницына. М., 2002.
17. Муравьев А.Н. Русская Фиваида на Севере. М., 1999 (первое издание – СПб., 1855).
18. Петрушко В.И. Преподобный Сергий Радонежский и его влияние на развитие русского монашества в конце XIV – начале XV вв. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2014. Вып. 2.
19. Прохоров Г.М. «Некогда не народ, а ныне народ Божий...» Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб., 2010.
20. Романенко Е.В. Нил Сорский и традиции русского монашества. М., 2003.
21. Сеницына Н.В. Русское монашество и монастыри, X – XVII вв. // Православная энциклопедия. М., 2000.
22. Смолич И.К. Русское монашество (988 – 1917). Жизнь и учение старцев. М., 1997 (первое издание. – Вьен, 1936).

23. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990 (первое издание – Париж, 1931).
24. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. М., 2009 (первое издание – Париж, 1937).
25. Шмеман А., прот. Исторический путь Православия. М., 2016.

TO THE QUESTION OF STUDYING THE SERGIUS OF RADONEZH'S MONASTIC TRADITION

Nosov A.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article examines the historiography of the Sergius's monastic tradition in the XIV–XV centuries. The results of studying the key concepts of historians on this topic are presented. The author makes a conclusion about the predominance in historiography of view on the idea of continuity between the ven. Sergius and his followers, as well as about their commitment to cenobitic charter in combination with the desire for hermithood. In some works of historians, the presence of other monastic traditions is noted. This point of view is confirmed by sources. The remarks related to the peculiarities of the perspective of studying monastic traditions are given.

Keywords: Sergius of Radonezh, «monastic revival», Sergius's tradition, cenobitic charter, monasticism, hagiography.